

«СЧИТАЕТСЯ, что в Англии лишь около 20 процентов мальчиков способно одолеть курс средней школы», – пишет в своей книге «Предвидимое будущее» видный английский физик, лауреат Нобелевской премии Дж. Томсон (о девочках он даже не упоминает, полагая, видимо, что с ними дело совсем безнадежное).

Не будем спорить, насколько верна эта цифра. По правде сказать, вся многостенная практика воспитания и обучения в нашей школе основательно ей противоречит. Но не об этом речь. Важно, что какая-то часть школьников действительно лидирует, резко обогаляя в знаниях остальных. Какая – неизвестно. Тревогу у нас обычно вызывают другие дети – трудные, второгодники. Все споры, все сраженья наши, все цифры и подсчеты – там.

Но вот в «ЛГ» появилась статья нескольких учеников-математиков, всерьез озабоченных участью как раз благополучного меньшинства. По их мнению, этим ребятам везет не более, чем чистокровным скакунам, которых впряжен в тяжелую несмазанную телегу. Ученые усматривают в этом факте реальную угрозу для будущего науки. Да и не только науки.

«Гонка умов» – мелькнуло выражение во время нашего обсуждения. По мнению некоторых его участников, гонка такого рода играет ныне в судьбах государств превеликую роль. Та страна, что обеспечит у себя наивысший научный потенциал, окажется, как говорят математики, по всем параметрам впереди.

Вот к какой аналогии прибег, взяв слово, один из авторов статьи «А двоичник спокоен...»,

доктор физико-математических наук

Н. ВИЛЕНКИН:

«Группе людей из пункта «А» надо попасть в пункт «Б» и удержать его. Возможны три стратегии. Первая: несколько быстроногих вырываются вперед и захватывают пункт. Но их слишком мало, чтобы удержать занятые позиции. Современная наука не может быть создана усилиями одиночек. Применительно к нашему разговору это означает, что даже тех специальных школ, что созданы у нас для одаренных в математике и физике, может оказаться недостаточно.

Наша школа в общем-то придерживается второй стратегии, равняясь на самых медленных. Можно рунически, что из пункта «А» все попадут в «Б» – если, однако, он не окажется уже занятым. Мы пытались найти третий путь, при котором пункт «Б» был бы занят своевременно и достаточно большими силами.

Проблема упирается в вопрос о всеобщем среднем образовании. Мне лично он представляется значительно более сложным, чем многим.

Если можно говорить об ОБЯЗАННОСТИ каждого получить восемилетнее образование, то в отношении среднего речь должна идти, по-моему, лишь о ПРАВЕ на него. Точка зрения, что каждый обязан окончить десять классов, НЕИЗБЕЖНО ПРИВЕДЕТ К СНИЖЕНИЮ УРОВНЯ ТРЕБОВАНИЙ. К СНИЖЕНИЮ УРОВНЯ ПОДГОТОВКИ.

Вот откуда наши предложения: создать во всех школах разные, по степени способностей ребят, классы и ввести экзамены при поступлении в школу второй ступени.

Убедительной? Да. Хотя тут же просится и возражение. Все-таки мы норовим задачи школы свести к ее служебной функции – подготовке детей к взрослой производительной роли. Между тем лучшие педагоги во все времена не уставали подчеркивать, что в школе больше, чем где бы то ни было, цель – собственно человек. И «свою» часть жизни человека она должна сделать по возможности более полной и счастливой. Предлагаемая система способным детям, несомненно, сулит немало благ. Ну, а что она принесет другим?

Незадолго до опубликования статьи «А двоичник спокоен...» многие из нас прочитали пронзительно грустную повесть американской писательницы Бел Кайфман «Вверх по ведущей лестнице». Герояя ее, новоиспеченнейшая учительница

ца, приезжает в школу, где царь как раз то разделение по способностям, которого так хотят учены-математики. Откроем вместе с Сильвией Барет, так зовут учительницу, классный ящик пожеланий, заглянем в адресованные ей картички: «Уроки очень интересные, особенно если приходить в класс. Я желаю себе лучшей посещаемости. – Отсутствующий». «Язык и литература – мура. Я наведаю темные очки, чтобы спать во время этой муры.

– Мура-Бей». «Сгинь! Ни с места – Отрава». Вот он – западный образец, к которому стоит присмотреться, ибо рассказывает о нем человек тонкий, не свыкшийся еще со школой настолько, чтобы утратить способность взглянуть на нее свежо.

К слову сказать, англичане, у которых спокон ве-

ка, «отстающих». Однажды попавший туда – даже по случайным обстоятельствам – застрияет там навечно, и на всю его школьную, и не только школьную жизнь.

Лет пять тому назад мы

создали математическую группу, отобрав из трех классов один отборный. Эксперимент оказался неудачным. И дело не в том, что в отборном тоже появились не успевающие.

Главное, что те два класса, из которых мы изъяли самую активную и умную часть ребят, оказались в самом бедственном положении.

Исчезли все стимулы учения: никто не задавал тон, не за кем было тянуться, некому позаимствовать.

Учителяница

Л. ОЧАКОВСКАЯ:

«И учительство в таком классе захнёт. Обучение – процесс взаимный: искру высекают только столкновение! Если класс не будет мыслить учителя, то и учитель не много мыслей разбудит у ребят».

К слову сказать, англичане, у которых спокон ве-

литехнического образования и чрезвычайно расширила базу рождения талантов, в том числе и математических. «Мешают двоичники!» Двоичниками не рождаются. Двоичниками делаются. Двоичник – это человек, в котором убито, умерщвлено желание учиться, воспитано равнодушие, а то и отвращение к учебе. Вот и стоило бы задуматься – ОТКУДА ЖЕ БЕРЕТСЯ ЭТОТ, КАЗАЛОСЬ БЫ, СОВЕРШЕННО НЕОБЪЯСНИМЫЙ В ЦИВИЛИЗОВАННОМ ОБЩЕСТВЕ ФЕНОМЕН? Очень тревожный феномен!

Авторы же статьи не имеют целью исправить существующее положение вещей. Как раз наоборот: все предлагаемые ими меры сводятся к тому, чтобы формально узаконить создавшуюся ситуацию. То, что они принимают и выдают за «идеал», на самом деле апология отрицательных тенденций в организме нашей школы, связанных с недостатком сил, средств и времени полностью, на деле реализовать всеобщую – превращение нужды в добродетель».

ежедневно заставлять под палкой есть канюю-нибудь траву, она не только не понравится, но умрет. Между тем мы ежедневно позволяем себе поступать так по отношению к детям.

В первый класс ребята бегут и думают, что их там ждет счастье. Проходит год – держатся, третий – держатся кое-как, на четвертом окотят и учение у многих пропадает. Почему? По злому умульству ребят? Ничего подобного!

Мы не умеем преподавать детям знания. Наша начальная школа – школа ремесленная. Она не раскрывает ребятам даже того, что им толкают в научно-популярных передачах по телевидению. Им интереснее прочитать книжку по ботанике, вышедшую в издательстве «Детская литература», потому что там есть современная наука, раскрывающая общие положения, есть обобщения – словом, там надо думать, а в школе – лишь збурить соответствующие знания. Как же не пропасть желанию учиться?»

Однако ему резонно возразила писательница

Л. КАБО:

«Есть педагогическая элита, но ведь есть и провинция, даже в столице. И вот в этой педагогической провинции с процентоманией вообще не понимено – она существует как первостепенное зло.

Молоденькая учительница пришла ко мне недавно и говорит: «Что делать? Я сказала, что ребятам, которые не сделают чертежи, за четверть поставлю двойки. А директор и завуч запрещают».

Разговор у нас был нешуточный. Целая педагогическая судьба решалась в ту минуту – или она расцветет, или сломается. Я сказала: поступи, как хочешь, но помни: если думаешь быть хорошим педагогом – наберись мужества на всю свою жизнь.

Если мы сейчас говорим о двойках – это прежде всего вопрос о процентомании, какие бы иные глубины ни раскрывались в этом споре».

О вреде процентомании все сказано. И хотя, как заметила Л. Очаковская, приказы министерства как будто «манию» отменили, – процент остался. А с ним – драма фальшивой тройки, автоматически влекущей за собой завышенные четверки и не очень достоверные пятерки; и вся смехотворность контроля, единственного в своем роде, когда репутация учителя сосредоточена на кончике пера его же собственной ручки.

Общее мнение участников совещания: этот гордивый узел надо рубить.

А второгодничество, одной веревочкой с «процентом» связанное, – сколько еще с ним мучиться?

«Можно было быть плохим по одному предмету и выдвигаться по другому – это не только не угрожало вам какими-либо неприятностями... а даже привлекало к вам особенное внимание: не талант ли?» – пишет П. К. Анохин в книге «Иван Петрович Павлов». Так, наверное, и должно быть. Редко встречаются дети, равно высоко одаренные во всех областях. Но редко учителю приходится терпеть и ребят, не успевающих ни в чем. Обрекать ученика из-за отставания по двум предметам на второгодничество по всем остальным, – это все равно что больного гриппом лечить рентгеновскими лучами.

В иных случаях надо переворот с двойкой – в этом учены-математики встретили почти полную поддержку учителей. Чего боимся? Кто-то из ребят не вытянет, отстанет? Но разве лучше вушаш ребенку губительную мысль: ты не можешь!

...Подумать только, – сколько лет всем этим разговорам! В подшивках «Литературной газеты» легко найти статьи, авторы которых ратовали за расширение сети подобных училищ. Ведь, действительно, ребят иной раз в девятый класс гонят не одержимая устремленность именно к школьному образованию, а то удачающая обстоятельство, что больше и податься некуда, и неучем вроде оставаться не хочется – стыдно. Предложение учеников о расширении сети училищ со средним образованием в этом смысле имеет важнейшее значение.

СТАРУШКА «процентомания» могла быть довольна. Нырнув в глубины дискуссии, спорщики совсем о ней забыли и, возможно, так бы и не вспомнили, если бы не извечный ее враг: двоичник.

А он настыро напоминал о себе заголовками с газетных полос, разбросанных на столе: «Двоичник спокоен», «Двоичник волнуется», «Двоичник становится отличником».

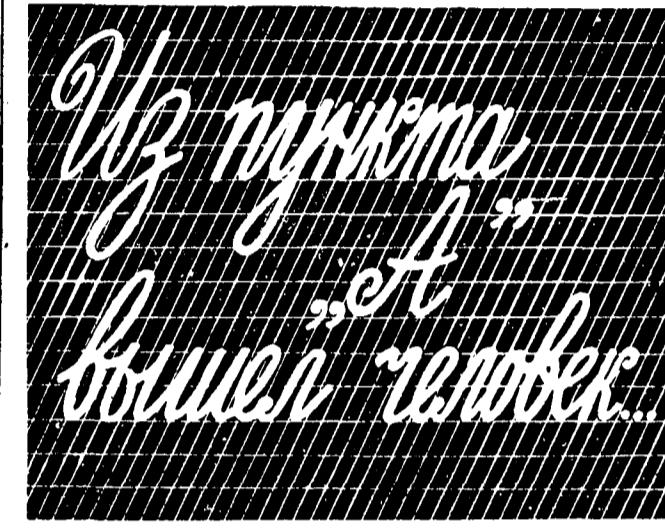
И все вдруг вспомнились, и каждый заторопился высказаться.

Действительно, когда большая и трудная задача – всеобщее обучение – подменяется желанием свести концы с концами только на бумаге, сама идея, по существу, обращается во вред.

Впрочем, не преувеличиваем ли мы сейчас опасность процентомании (столько приказов было, ее отменено!)? Кто-то из участников разговора высказал подобное предположение.

БЫЛ поздний час. Но спорщики не спешили расходиться. Как и положено на совещаниях, началась работа «секций». Схватились напоследок Н. Виленкин и Э. Ильинов и собрали слушателей. Образовалась группа и возле Д. Эльконина... Слишком наболевшие вопросы. И пусть не удалось поставить все точки над «и», и пусть даже не впервые обсуждаются эти проблемы, оснований для пессимизма не так уж много. Есть идеи, которыми увлечено время. Проблемам обучения сейчас посвящаются международные симпозиумы, сессии учеников. Упорно, неотвратимо, увы, может быть, не так быстро, как хотелось бы, передовая педагогическая мысль движется вперед.

Заседание
«Дискуссионного клуба»
провела
Т. СНЕГИРЕВА

Дискуссионный клуб «ЛГ»

Несколько месяцев на страницах нашей газеты длился спор о школе. Зачинатели дискуссии – учены-математики – вынесли на общий суд свои предложения: разделить классы по уровню способностей ребят, сдавать двойку переводной отметкой, ввести экзамены при поступлении в девятый класс...

Тема увлекла не только учителей, но и ученых, преподавателей вузов, родителей. Мнения многочисленных участников разговора противоречивы.

Дискуссия, начатая на страницах газеты, была продолжена в редакции. В обсуждении участвовали: писатели – В. Тендряков, Г. Медынский, Л. Кабо, О. Высотская; учителя – С. Гуревич, Э. Костяшкин, М. Ценципер, Л. Очаковская; ученые – математик Н. Виленкин, философ Э. Ильинов, психологи – Д. Эльконин и В. Давыдов и другие.

ку господствует сильно дифференцированная система обучения, давно уже не питают ее счет никаких иллюзий. Тот же Дж. Томсон пишет о «скверных последствиях», которыми она чревата: сохранение ее на протяжении жизни еще нескольких поколений, по мнению ученого, увековечит пропаст между отдельными общественными группами, причем социальные низы останутся «внизу» в самом прямом смысле слова: усугубятся и генетические различия между людьми. В сочетании с некоторыми другими причинами все это, как признает сам Томсон, создает даже тенденцию к понижению(!) интеллектуального уровня нации (финал, вероятно, неожиданный для тех, кто с помощью дифференциации по уровню способностей рассчитывает добиться противоположного результата).

Да, «гонка умов» в современных государствах выливается в соревнование не единиц, а научных масс. И чем дальше, тем больше будет потребность в способных, знающих людях во всех областях знаний. Но из этого вытекает необходимость решительного подъема качества обучения в нашей самой обыкновенной школе, такой, как она есть.

Писатель
В. ТЕНДРЯКОВ:
«КАК учить и ЧЕМУ учить? И дело вовсе не только в том, что много программной трухи, – сам подход к обучению убивает в ученике человеческое. ЗАУЧИ «идеальное содержание» литературного произведения. ЗАУЧИ формулу. Не смей испытывать какие-либо чувства. Не смей самостоятельно мыслить. Убивает чувство, убывает самостоятельная мысль. Мне приходится сталкиваться с программой по литературе, и я прихожу иной раз к выводу, что лучше ум совсем не преподавать литературу, чем преподавать ее так, как сейчас преподают. Мы просто портим врожденный вкус детей. До сих пор их натаскивали, положительный или не положительный, прогрессивный или не прогрессивный образ Евгения Онегина, и стараются втолковать определенную формулу, что он – типичный представитель «лиших людей» в России. Увы, подобный подход не привносит любви к творчеству Пушкина. Но именно так, на полном серьезе, оконченно, тратя впустую драгоценное время, изучает литературу, и, наверное, не только литературу, наш ученик.

«Надо быть в набат. Надо изменить не только программу обучения, но и все обучение».

А вот какая точка зрения придерживается учений – руководитель лаборатории Института психологии следующей возрастные возможности усвоения знаний.

доктор

психологических наук

Д. ЭЛЬКОНИН:
«Когда я слышу разговоры о том, что ребята не хотят учиться, то неизменно вспоминаю один афоризм Эйнштейна: если даже животное